

A romantic scene in an autumn forest. A man and a woman stand on a path covered in fallen orange leaves, looking at each other. In the background, a small house is visible through the trees. In the bottom left foreground, a small fire burns. The overall mood is cozy and intimate.

Александр Степанов
(Greyson)

ВЫЖИТЬ БОМЖОМ В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Александр Степанов (Greyson)

Выжить бомжом в чужом городе

«Автор»

2025

Степанов (Greyson) А. В.

Выжить бомжом в чужом городе / А. В. Степанов (Greyson) —
«Автор», 2025

Просто встретились два одиночества, развели у дороги костёр..... Осень знойное лето остудит, бросит под ноги красную медь, пусть людская молва нас не судит, ни согреть, ни согреть нам сердца, не согреть... Феликс Лаубе. Правдивая и романтическая история про два подросткового одиночества, похожая на сказку. В которой Маша помогла выжить во враждебном городе 1994 года своему ровеснику "ботанику" из чужого города. Быль, похожая на Новогоднюю сказку. Шесть лет не виделись. Впервые поцеловались на пост: "Горько!". Любовь — морковь

© Степанов (Greyson) А. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Неделю в тринадцать бомжом в чужом городе	5
Глава 2. Без крыши над головой	9
Глава 3. У Машки в подмастерьях	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Степанов (Greyson)

Выжить бомжом в чужом городе

Глава 1. Неделю в тринадцать бомжом в чужом городе

Просто встретились два одиночества,
развели у дороги костёр...
... Осень знойное лето остудит, бросит под ноги красную медь,
пусть людская молва нас не судит, ни согреть, ни согреть нам сердца, не
согреть...
Феликс Лаубе.

От автора

Непросто без малого в четырнадцать лет впервые в жизни остаться без опеки родителей и бабушки.

Опыт выживания подростка-«ботаника» в чужом городе без денег и крыши над головой. Как одиночество нашло одиночество.

Неделю бомжом в чужом городе

1994 год, июль. Отцу Кости не платили зарплату, а мама попала под сокращение. Косте было тоскливо и безрадостно. На кухне, прикрыв дверь, родители обсуждали переезд в Подмоскovie, а потом, если получится, и в Москву. Он переживал, не хотелось переезжать в чужой город.

В начале июля родители продали дачу и машину. Семья Несмириновых приехала в подмосковный город взглянуть на квартиру, которую они сняли по объявлению на три месяца. Условия её съёма и оплаты обговаривали по телефону. Посмотреть квартиру взяли и Костю. Он был единственным ребёнком в семье.

Съёмная кварта оказалась однокомнатной, на третьем этаже пятиэтажного панельного дома. С тараканами на кухне и без ремонта. Но родители считали это небольшим недостатком, а лишь первым шагом к переезду в Москву. Находясь рядом со столицей им легче найти там работу и купить на окраине нормальную квартиру. Какие-то сбережения в валюте, как знал Костя, у родителей были.

Им нужно было вернуться в родной город, чтобы сдать в наём трёхкомнатную квартиру, которая по новым законам перешла в их собственность, а то и вовсе продать её за бесценок. Цены на квартиры в их сибирском моногороде были ниже плинтуса. Костю они собирались взять с собой, но он настоял на своём, и его оставили, видимо, чтоб не путался под ногами.

Перед отъездом мама долго читала ему нотации никуда из квартиры не выходить, а только в ближайший магазин и столовую. Они уехали, оставив деньги на продукты, пообещав через неделю вернуться.

Пусто и одиноко в пустой квартире с ободранными кое-где обоями и мебелью, похожую на рухлядь с помойки. Даже телевизора и холодильника не было. Несвежий и чужой навязчи-

вый запах. Ночью в день приезда они спали с открытым окном: родители на ветхом диване, а он на матрасе, уложенном на полу.

Оставшись один, Костя бродил из угла в угол, смотрел в окно: после дождя сыро и лужи, несколько хилых деревьев, сломанные качели на детской площадке, панельная пятиэтажка напротив, грязно-серого цвета. Низ торцевой стены её в неумелом и нелепом граффити.

За стеной квартиры доносилась громкая ругань соседей, сопровождавшаяся грохотом ударов о стену и пол, звоном разбитой посуды. По радио на кухне передавали новости:

... В Москве на Ленинском проспекте прогремел взрыв. В результате погиб главарь Новокузнецкой организованной преступной группировки Владимир Лабоцкий. Как установила экспертиза, взрывное устройство находилось на его теле и сработало случайно. В группировке началась борьба за лидерство, в результате которой погибли три человека, а остальные во главе с Игорем Барыбиным были арестованы...

От безделья Костя открыл новый для себя учебник биологии за седьмой – восьмой классы средней школы, полистал его, и тут же отбросил его в сторону, проклинал этот город.

Всё-таки, пока не начался бардак в стране, их семья жила в достатке. И у него была своя комната. Отец работал в крупном строительно-монтажном управлении начальником производственно-технического отдела, мама старшим экономистом на машиностроительном заводе. Там сейчас станки на металлолом распродают.

Родители Кости ещё не старые, им по тридцать три. Воспитание Кости они взвалили на бабушку — она жила в соседнем доме и назойливо опекали его: и в школу его провожала и встречала после уроков, мол, хулиганы на улице; и в музыкальную школу так же.

Это раздражало Костю, ведь он уже взрослый. Одноклассники считали его «ботаником» и с ним не общались. Дворовые ровесники ему были неинтересны, как и он им. Чем старше он становился, тем больше одиночество угнетало его. Раздражала одежда, которую ему продолжала покупать бабушка в детском отделе универмага, раздражала её опека. Он часто у неё ночевать оставался.

На железнодорожном вокзале, когда они приехали в этот город, родители пошли получать багаж с самым необходимым на первое время, а Костя купил в привокзальном киоске карту города и уже по ней нашёл дом, в котором предстояло жить. Это не в центре, как в их городе, а в микрорайоне, расположенном за пару кварталов от судоходной реки. Может, и искупаться удастся, подумал он.

В первый день после отъезда родителей Костя исследовал окрестности, далеко от дома не отходил.

На второй день, проснувшись в девять часов, он сменил футболку на белую из тонкого трикотажа с короткими рукавами, надел короткие шорты с широкой резинкой на поясе — он до сих пор носил их летом, хотя это как-то по-детски, и кроссовки.

Прихватив матерчатую сумку и немного денег — из тех шестидесяти тысяч, что оставила мама на продукты и столовую, он пошёл в магазин купить бутылку кефира, пирожков или булочек, чтобы и на ужин хватило. Хорошо, что все деньги мелкими купюрами: по двести и пятьсот рублей. А обедать и ужинать мама советовала ему в столовой неподалёку, где они вместе обедали в день приезда. Там и за три тысячи можно было взять комплексный обед.

У продовольственного магазина тусовалась стайка ребят его возраста в неопрятной одежде и с нагловатыми физиономиями. С ними были и две девчонки их лет. Они, с накрашенными губами и с пластмассовыми серёжками в ушах, жевали жвачку. Среди пацанов выделялся пацан постарше, стоявший чуть в стороне от остальной шоблы. Он выше всех, и на вид ему лет пятнадцать. Костя смутился от взглядов блатной ватаги и прошмыгнул в магазин.

Очередь была небольшой. Хлеб дома был. Здесь, в зависимости от названия, он стоил от шестисот до восьмисот двадцати рублей за булку. У них в городе был дороже. Костя купил две

пары жаренных трубочек с повидлом за двести пятьдесят рублей за штуку и пошёл к другому прилавку. Там он выбрал сто граммов карамельки на шестьсот рублей и задумался что купить: или пол-литровую бутылку кефира за четыреста четыре рубля, или литр молока в пакете за семьсот сорок четыре. Выбрал кефир. Сдачу бросил в сумку, там же был и ключ от квартиры.

Сделав покупки, Костя вышел на улицу и с опаской взглянул на шпану у магазина. От ребят отделился пухлый пацан лет десяти. Он, подбежав, перегородил дорогу Косте и нагло заявил:

– Васян, когда должок моему брату вернёшь?

– О чём ты? — спросил Костя, прекрасно понимая, что влип в неприятную историю.

Пацаны, стоявшие у магазина в метрах десяти от них, заинтересованно наблюдали за ними. От ватаги отделился и подошёл к Косте его ровесник. Он, в шортах до колен и в обтрёпанной бейсболке набекрень, клещом вцепился за его предплечье. Костя, пожалуй, мог бы вырваться, если бы он не стайка хулиганистых пацанов у стены магазина.

– Что там? — крикнул пацану, удерживающему Костю, старший среди своей стаи.

– Младших обижают! Этот хмырь брату «Колбасы» должок не отдаёт, пусть как бы вернёт! — заявил ему пацан, крепко удерживая Костю за руку.

– Сами, разбирайтесь, я не вмешиваюсь, — ответил ему вожак и сказал пацану с щербинкой между зубами, стоявшему рядом с ним у магазина:

– «Щербатый», сходи, разберись по понятиям.

– Он ошибаешься, — с дрожью в голосе попытался объяснить Костя предводителю хулиганов, всё-таки надеясь, что пацан обознался: — Я не Васян, Костей меня зовут. Брата его я не знаю. И я никому не должен.

– Вот заливает! — сказал кто-то из компании.

К Косте вихляющей походкой подошёл пацан со щербинкой между передними зубами и ухватился рукой за правую руку, в которой Костя держал сумку.

– «Колбаса», веди его к брату, пусть он ему предъяву озвучит, — заявил он мальчишке десяти лет.

К Косте подбежали ещё два пацана. Щербатый несколько раз дёрнул за ручки сумки, пытаясь вырвать её, но Костя крепко удерживал её. Тогда он отпустил предплечье Кости и ухватился рукой за запястье его руки.

Костю насильно повели, подгоняя пинками коленом в зад, куда-то внутрь двора. Остальная компания сопровождала их. Он с мольбой оглянулся на женщину, проходившую мимо, ища поддержки, но по её безразлично-отсутствующему взгляду понял, что защиты не будет. От киоска, стоявшего у магазина, к ним бежала девчонка его лет в футболке без рукавов и в джинсах, порванных на коленях.

За детской площадкой у стены трансформаторской подстанции, в стороне от посторонних глаз, двое пацанов крепко удерживали Костю за запястья рук, остальные, в том числе девчонки, обступили их широким полукругом. Воняло мочой от мелкой лужи слева. Видимо, от детской площадки детишки бегали сюда по мелкой нужде.

Щербатый и заявил:

– Футболка твоя глаза слепит, слишком белая. Сам её снимешь, чтоб тебя понапрасну не бить, или как?

Костя смутился, его за шалости даже в детстве не шлёпали, а усаживали на стульчик, чтоб он подумал над своим поведением. Чтобы избежать избиения, он, не выпуская из рук сумку, левой рукой ухватил футболку со спины, сдёрнул её с себя и, перехватив сумку из руки в руку, отдал её «Щербатому».

– Сам долг отдашь, или нам его у тебя поискать? — Костя промолчал. — Ты сам выбор сделал, — с наглой ухмылкой заявил Щербатый.

Костя не ожидал удара под дых, упал на колени и, преодолевая боль, наклонился, ухватившись руками за живот. Когда боль чуть утихла, поднял взгляд на обидчиков. Его сзади резко ударили в спину плашмя подошвой ноги. Костя, не успев выбросить вперёд руки, упал, ударившись головой о землю. С него, распластавшегося на земле, вместе с шортами и трусами сдёрнули и кроссовки.

Лицо Кости полыхнуло жаром, он покраснел, вскочил на ноги и прикрылся ладошками. За последний год он сильно подрос и стеснялся себя. Пацаны заржали. Рассмеялись и девчонки с клипсами. Они смеялись не только над его унижением, но и над его белыми трикотажными трусиками как у маленьких, которые, растянув перед ними, демонстрировал им десятилетний пацан.

— На колени, руки за голову! — потребовал Щербатый, проверяя карманы шорт Кости и объяснил: — Извинишься, прощения попросишь, пообещаешь долг в десять штук принести, одежду вернёшь. Меньше принесёшь, пятьдесят завтра будешь должен и на счётчик поставим.

Девчонка в рваных джинсах, что стояла у ларька, когда он шёл в магазин, отделилась от толпы, оглянувшись на сверстниц, на пацанов, и крикнула:

— Вы же получили, что хотели! Сумка у вас. Престаньте издеваться, он же безобидный совсем!

— Машка, что ты защищаешь этого лоха? — громко спросила её девчонка, стоявшая в клипсах.

Возможно, для этого их и принимают в свою компанию, неприязненно подумал Костя о дворовых девках. Он слышал о этих случаях в своём городе. Раздеть перед девчонками и избить — старый приём, чтобы снизить самооценку жертвы до нуля. Так легче подавить сопротивление, запугать и поставить на счётчик.

— Я никому не должен! — решительно заявил Костя не Щербатому, а главарю шобы.

— Я просто зритель! — с ухмылкой ответил ему вожак стаи.

— Не должен? — угрожающе переспросил Костю Щербатый, шагнул к нему и вновь ударили его в солнечное сплетение.

Костя упал на колени, скорчился от пронзившей боли, обхватил руками живот. Резким толчком ноги в спину его опрокинули на землю. Когда били ногами, Костя поджал ноги и прикрывал голову руками. Били несильно, ни носками, а подошвами обуви, больше для острастки. Он слышал возмущённый голос девчонки, пытавшейся остановить избиение:

— Не бейте его! «Крот», скажи своим, чтоб не били!

Удары прекратились, Костя с опаской приоткрыл глаза. На него с ухмылками смотрела стая ровесников, и девчонки были среди них. Он оттолкнулся руками и сел, прикрывшись ладошками между ног.

— Колбаса, обоссы его, — указал на Костю Щербатый. Мелкий пацан при девках приспустил шорты и нацелил свой «пистон» на лицо Кости.

К Косте подбежала девчонка, пытавшаяся его защитить, оттолкнула мелкого пацана в сторону, но он, отскочив, забежал к нему сбоку.

Терпеть такое унижение Костя не мог. Хотя он никогда в жизни не дрался, но тут вскочил на ноги и врезал Щербатому по морде. У него получилось вскользь, он тут же ударом в лицо был повержен на землю.

Несмотря на боль, Костя смог перехватить чью-то ногу, пинавшую его, намереваясь впитаться в неё зубами. Последнее, что он помнил, это удар твёрдой подошвой ботинка по голове. Что было дальше, память его не сохранила.

Глава 2. Без крыши над головой

Очнулся Костя от того, что кто-то за руку тащил его на траву из вонючей лужи. Открыть глаза его заставили лёгкие шлепки по щекам и голос: «Ты живой?».

Он лежал на спине. Первое, что он увидел: синее небо, свои трусы, свисавшие с металлического карниза здания подстанции, потом глаза девчонки, наклонившейся над ним. Это она пыталась его защитить.

Шумело в ушах. Ныло всё тело и голова. Всё произошедшее с ним казалось дурным сном. Пришло понимание, что он без одежды, но не было удушающего чувства стыда, как в момент, когда его раздели, другое беспокоило его. Костя оттолкнулся левым локтем от земли, приподнялся, положил правую руку на колено, левой рукой, оперевшись ею между ног, прикрылся от девчонки, огляделся в поисках своей сумки с ключом от квартиры.

Сумки не было. Его шорты и футболка лежали в луже со ржавой водой. Девчонка проследила направление его взгляда и подсказала ему:

– Постирать нужно. Не одевайся пока, я твои трусы принесу.

Она, в поношенных джинсах, порванных на коленках, и чёрной футболке без рукавов, подбежала к дереву, растущему у здания трансформаторной подстанции, подпрыгнув, ухватилась за толстую ветку, обхватила ногами ствол дерева, обезьяной вскарабкалась по нему, по ветке дерева, перебирая её руками, нависла над крышей, спрыгнула и побежала по крыше.

Костя наблюдал за ней. Она подошла, бросила ему в ноги трусы: «Одевайся», и отвернулась, когда он поднялся и натягивал их на себя.

– Домой пойдёшь? — участливо спросила она.

– В театр оперы и балета, — с сарказмом ответил Костя, с презрением посмотрел на бандитскую девку его лет, и спросил: — Сумки моей не видела? — Она развела руками. — Ну и дура... — бросил ей Костя, придерживая трусы у пояса, пошатываясь подошёл к луже, брезгливо поднял футболку и шорты и, прихрамывая, направился в сторону заброшенной стройки.

– Эй, ты куда? — крикнула ему девчонка, но он не ответил и не оглянулся на её голос.

Заброшенные здания Костя видел вчера, прогуливаясь по микрорайону. Ими были два недостроенных панельных дома с одноэтажной панельной пристройкой у одного из них. Забор, ограждавший стройку, был хлипким, кое-где с оторванными досками.

Сойдя с асфальтной дорожки, Костя вздрогнул от уколов мелкими камешками ступней ног, взглянул на них и вспомнил, что сняли кроссовки! Их только недавно мама купила.

Потом, с раздражением подумал, что остался без ключей от квартиры. Но сейчас не хотелось думать об этом. Хотелось забиться в укромный уголок и прийти в себя.

На стройку он пробрался без труда, но в панельные дома не попадёшь: на окнах железные решётки, двери заколочены досками. Укромное местечко нашлось в одноэтажной пристройке к зданию. Через широкие окна пол здесь был окрашен солнечными пятнами. Там он разделся, мокрую одежду разложил на освещённое место.

Когда высохнет, подумал он, её можно будет перетереть руками, и тем немного очистить от грязи. Оставив одежду под солнцем, Костя устроился в тенёчке в месте, скрытом от посторонних глаз, откуда можно было наблюдать за подходом к зданию.

Пока было время, нужно было решить, что делать дальше. Ранее в сложных ситуациях ему бывать не приходилось: всё решали родители и бабушка. Поэтому, поразмыслив, он решил обратиться к соседям по квартире. Деньги у него в комнате есть. Может быть, соседи пригласят специалиста по дверным замкам из жилищной конторы, а он, когда откроют дверь, сможет заплатить за работу.

Часов у Кости не было. Неизвестно, сколько времени он провёл на стройке, но вот высохла его одежда, он перетёр материал трусов, футболки и шорт — и выбил одежду от пыли. Конечно, это не стирка, но хотя бы одежда не мокрая, и она чище, чем была прежде. Но футболка, и он сам, невыносимо воняли мочой.

Одевшись, он пошёл в свой подъезд, босиком поднялся на третий этаж и, надеясь на помощь, позвонил в соседскую квартиру. Дверь не открыли, позвонил в другую, из которой утром слышалась ругань. Открыл ему грузный небритый мужик в пижаме.

– Кто там? — услышал Костя визгливый женский голос через открытую дверь.

– Попрошайка. Третий за сегодня, — оглянувшись на голос, ответил мужчина

– Сколько можно! Все они с общаги нищелюбов. Гони его в шею!

Мужик захлопнул дверь. Костя вновь позвонил, чтобы объяснить, что он их сосед. В этот раз мужчина вышел с брючным ремнём, молча хлестанул по спине отскочившего от двери Костю. Острая боль обожгла спину. «В подъезде или возле дома увижу, по-настоящему выпорю!» — в спину ему прокричал его обидчик.

Обращаться к кому-либо ещё из соседей Костя побоялся. В милицию идти он тоже не хотелось, там просто посадят в детоприемник до приезда его родителей. Нужно было отмыться от грязи, отстирать одежду от запаха мочи, и как-то прожить шесть дней на улице, ведь он никого не знал в этом городе, даже соседей по квартире. Сильно хотелось пить.

Костя помнил, когда на трамвае с родителями он ехал с железнодорожного вокзала на съёмную квартиру, то видел речку с городским пляжем в парке. По трамвайным путям в его сторону он и пошёл. Июль месяц жаркий. Идти пришлось долго, от боли ныло всё тело, сильно хотелось пить. Горячий асфальт тротуара обжигал ступни. Чем ближе к парку, тем чаще попадались ларьки с пивом, жвачкой, сигаретами, водкой и пепси-колой, букинистические развалы, барахолки с народом, продающим то, что можно было продать, или обменять на продукты. Изредка среди отечественных мелькали импортные легковые автомобили. Серые дома, разбитый асфальт тротуара, граффити на стенах домов, мусор.

Костя вспомнил, когда мама на уличном развале купила ему новые кроссовки, старые он выбросил в урну. Значит и здесь так делают. Он прошёлся вдоль ряда, где торговали обувью. На продажу была и новая, была и поношенная, но ещё годная для носки. Предположение его оправдалось. Возле урны от приметил изношенные в хлам кеды без шнурков, которые ещё можно было носить. При примерке они оказались по его ноге. В кедах, пусть даже таких, идти было веселее.

Уже немилосердно жгло солнце, когда Костя добрался до городского пляжа, забитого отдыхающими. Работали аттракционы, лоточницы предлагали мороженое. Детей катали на пони. В ларьках стандартный набор: сигареты, чипсы и пиво, жвачка, вино и водка.

Костя спустился по главной аллее парка на высокую набережную с парапетом, идущую вдоль линии пляжа. Отсюда хороший обзор на широкую реку. Лоточницы у границы песка продавали мороженое. Через каждые метров пятьдесят с набережной к песку пляжа вели бетонные лестницы с металлическими поручнями. Костя спустился к воде. В реке она было тёплой.

На пляже, переполненном народом, удалось попить из одного из питьевых фонтанчиков, установленных вдоль подпорной стены набережной. Здесь же были и кабинки для переодевания.

Купаться на пляже Костя не стал: стеснялся своих трусов из детского отдела одежды. Как-то, испачкав их во сне, в тайне от бабушки он стирал их и видел, что тонкий белый трикотаж сильно просвечивается, когда намокнет. Поэтому он просто умылся.

Спасительная черед белых облаков спасла его от жаркого солнца. Хотелось окунуться в прохладную воду и обмыть грязное тело, выстирать одежду, воняющую мочой. Спазмами прихватывало пустой желудок.

На дальней границе пляжа на столбах висели указатели: «За границей пляжа купаться запрещено!». Речка делала поворот вправо, но набережная, следуя изгибам реки, продолжалась и за границей пляжа.

С набережной здесь так же к берегу вели лестницы. Берег за границей пляжа внизу был каменистым и безлюдным. Кое-где виднелись чёрно-серые пятна бывших кострищ рыбаков.

Пройдя по кромке воды за границей пляжа, Костя выбрал укромное местечко на берегу, с наваленными на него железобетонными плитами. Там он разделся до трусов. Сидя на корточках у кромки воды, он постирал футболку и шорты, насколько смог это сделать без мыла. Чтобы они скорее высохли, разложил их на горизонтально лежащие бетонные плиты у кромки воды.

Белые трикотажные трусы-плавки тоже испачкались сзади, когда он сидел в них на стройке. У него подростковая фигура с узкими бёдрами. Возможно по этой причине трусы бабушка до сих пор покупают ему в отделе детской одежды.

Костя не решился стирать их как шорты и футболку. Вдруг, кто увидит его с набережной? Поэтому он вошёл в воду для их стирки. Со стороны пляжа вниз по реке шёл прогулочный теплоход, создавая высокие волны.

Никогда ранее Кости не приходилось покататься на речных волнах. Он с родителями как-то отдыхал на Каспии, и волн там не было. Упускать такое удовольствие было глупо. Он бросил трусы на бетонную плиту у кромки воды и поплыл навстречу теплоходу. Захватывало дух, когда первая волна высоко подняла его, затем — вниз; вторая была чуть ниже, наконец третья. Вода была тёплой и охладила разгорячённое тело. Млея от удовольствия, Костя поплыл к берегу и в шоке остановился. Одежды на берегу не было!

Каким же ослом безмозглым нужно быть, чтобы не предвидеть, что волны могут смыть её, ругал себя Костя и леденел от ужаса, представляя, что его ждёт! Мало того, что ключа от квартиры нет, так ещё и без одежды остался!

Хуже того, день был в разгаре. Начали мелькать головы отдыхающих под парашютом набережной. Видны их фигуры в разрыве парашюта у лестниц к воде. Видимо, давно не было дождей: вода в заводе была прозрачной. Но искать одежду было необходимо!

Первые поиски результата не дали. Неужели её унесло течением? Но в заводи реки быстрого течения быть не должно, думал Костя, и он решил продолжить поиски.

Ситуация, в которой он оказался, казалась безвыходной. Долго в воде не просидишь, он уже и сейчас стучал зубами и покрылся мурашками, а на берег выйти нельзя. Что делать?

Хуже того, по лестнице к воде, где расположился Костя, спускались две деревенского вида пухлые тётки с девчонкой лет десяти и пацаном-дошкольником. Одна из тёток была младше, вторая старше — видимо, бабушка и мать. Сердце рухнуло в пятки. Вот как теперь быть, как погреться?

Спустившаяся компания расположилась на гальке, метрах в двадцати от него. Старшая из тёток поселила полотенце и начала выкладывать на него продукты. Спазмом свело желудок. Пацан-дошкольник сбросил с себя одежду и голышом побежал в воду. Женщина лет сорока стянула с девчонки розовое платье, оставив её в белых трусиках из трикотажа. Поразило, что девчонка — уже взросленькая, не выразила ни возражения, ни протеста, а сразу вбежала в воду по пояс. Там она присела и бегом вернулась к тёткам в мокрых трусишках. Её мать стянула их с неё, отжала их от воды и усадила на полотенце. Больные на голову? — подумал о них Костя.

Он уже сильно продрог и, убедившись, что на него не смотрят, выбежал из воды и присел на бетонную плиту, свесив с неё ноги, чтобы при первой опасности сигануть в воду. Чуть согревшись, с бетонной плиты он прыгнул, чтобы продолжить поиск своей одежды.

Уже недалеко от берега глубина заводи была около пяти метров. Вынырнув очередной раз, он взглянул на берег и парашюта набережной и увидел над ним головы девчонок, со смехом махавших ему рукой. Набрав воздух, он вновь нырнул, сверкнув задницей, в воду.

Очередная попытка принесла результат. Под водой он одежду искал с открытыми глазами и увидел на дне светлое пятно, которое оказалось его футболкой. С ней в руке он подплыл к берегу. Когда выходил из воды, подгибал ноги, пока мог, потом подбежал к мелководью, уселся в воду, и решение пришло.

Он растянул трикотаж горловины футболки, насколько смог, и попытался завязать его на узел, но у него не получилось. Всё равно, ноги он просунул в её рукава, встал спиной к набережной, натянул её на себя и завязал подол футболки у живота на узел, подоткнул его под импровизированные трусы, подоткнул и рукава, в которые он просунул ноги, чтобы сделать из футболки плавки. Проверил себя ладошкой. Горловина футболки на заднице была в складках и скрывала прореху.

Появляться в мокрых плавках странного вида на пляже, пока они не подсохнут и перестанут просвечиваться, было неловко. Сильно хотелось пить, но пить воду из речки было противно. Выше по течению был пляж и многие, Костя по себе знал это, в воде ходят по-маленькому. Пришлось подождать. День был жарким, трикотаж теперь уже серой футболки был тонким, и жать пока она высохнет долго не пришлось. Переменная облачность спасла Костю от солнечных ожогов, но тело его покраснело.

По кромке воды Костя пошёл на пляж. Там, на берегу, можно было высмотреть забытую отдыхающими одежду, полотенце или хоть что-нибудь, чтобы прикрыть плечи. Ничего подходящего не нашлось, но удалось попить из фонтанчика.

Костя вернулся за территорию пляжа, чтобы продолжить поиски одежды. Тёток с детьми уже не было: ушли. Подташнивало от голода. Вот как продержаться до приезда родителей?

Воровать продукты он не умел, да и не хотел делать этого. Как-то он читал, что если есть вода, то без пищи легко можно прожить неделю — это было слабым утешением для него. Трижды он ещё по полчаса искал свою одежду в заводи, ходил на пляж, пустеющий к вечеру, попить воды. Уже смеркалось. Вверх по течению реки катер толкал длинную баржу, наполненную песком. Костя сидел на бетонной плите у воды, спустив в неё ноги и решал, что делать дальше.

Шорты нашлись там, где он не ожидал: под железобетонной плитой, на которой он сидел. От волны, поднятой при проходе баржи с катером, их вымыло у него из-под его ног.

Не опасаясь глаз посторонних, он снял с себя футболку, развязал узел на животе и надел её, затем надел и шорты. Трусы найти не удалось. Главное, что шорты и футболка есть! Повеселев. Костя решил, что правильнее всего будет найти девчонку, которая защищала его. Зря он её душой обозвал. Нужно извиниться и попросить её поговорить с вожаком хулиганов.

Пусть она скажет ему. Если ключ от квартиры он вернёт, то тридцать тысяч сразу получит. Остальных денег на хлеб до приезда родителей ему хватит. Нужно добираться ближе к своему дому, а переночевать можно и в подвале недостроенного дома. Там по-любому теплее будет.

Костя постарался в подробностях вспомнить, как выглядит девчонка, к которой он решил обратиться. Понятно, что зовут её Машка — так её подельница назвала. Пусть будет Маша.

Как она выглядит? Она ниже его на пол головы. Скорее всего ей или тринадцать, или скоро тринадцать, хотя может быть и четырнадцать. Каштановые волосы до плеч. Вьются они. Губы не красит. Глаза? Их цвет Костя не помнил: то ли синие, то ли сине-зелёные. Просто большие, или ему показалась, что большие, когда он очнулся и её увидел. Одежда? Футболка чёрная без рукавов с большими проймами под мышками, джинсы, порванные выше колен. Её обувь он не помнил. Да, когда улыбается, ямочки на щеках её есть.

Поздним вечером Костя пошёл к своему дому. Подташнивало от голода. Хоть он и постирал одежду, она по-прежнему воняла тинной и мочой, пятна на футболке полностью не отстирались.

Оставалось пройти ещё один квартал, когда Костя понял, где можно попить. Уже включили уличное освещение. У круглосуточного ларька с алкоголем, пирожками, напитками и беляшами стояли высокие круглые столики, где можно перекусить стоя. Маняще пахло беляшами.

Рядом с ларьком днём стояла бочка с квасом. Её сейчас не было. Костя увидел водопровод для помывки стаканов. Он открыл кран, побежала вода. Костя опустился на колени и, подставляя ладошку, напился с неё. Когда он поднялся, за столиком две молодые девушки лопали аппетитные беляши. Костя спиной опёрся на стену и изредка, невольно искоса поглядывал на них. «Есть хочешь?» — обратила на него внимание светловолосая девушка в летнем сарафанчике.

Возможно, она подумала, что он будет просить деньги, подумал Костя, и промолчал. Она не стала интересоваться его ситуацией, так как, видимо, прекрасно понимала, какие проблемы бывают у детей из неблагополучных семей. Видимо, даже в несвежей футболке, в истоптанных кедах без шнурков, он не выглядел отталкивающе для неё, если она обратилась к своей подруге:

— Тань, я на беляши последние потратила. У тебя деньги есть?

— Оль, тоже нет, — ответила её подруга.

— Ладно, — сказала ей Ольга и, взглянув на Костю, предложила: — Пойдём с нами, мы рядом комнату на троих снимаем, там мы тебя накормим. Правда, Таня?

Её подруга оценивающе взглянула на Костю и согласно кивнула. Предложение выглядело заманчивым, особенно когда с утра пусто в желудке, а ужина, как и завтрака, утром не предвиделось. Когда девушки бросили паромасляные бумажки от беляшей в урну, и Ольга махнула Косте рукой, он пошёл с ними. Пока шли, она рассказала ему:

— Мы с Таней в педагогическом на второй курс перешли, с ней вдвоём комнату к коммуналке снимаем. Ещё Ира с нами, но она ещё от родителей не приехала. И соседка по коммуналной квартире не живёт, недавно замуж вышла и съехала. Так что мы сейчас вдвоём с Таней хозяйничаем. Картофельное пюре любишь с сосиской? Салат ещё из огурцов сделаем. — Костя кивнул. — А звать тебя как?

— Костей зовите.

— У тебя хоть ночевать есть где?

— Пока нигде.

— Ну, можешь у нас переночевать, сегодня одна кровать в комнате свободная.

Идти было и правда недалеко. Второй этаж старого двухэтажного дома. Войдя в подъезд, Оля с Таней привели Костю в коммунальную квартиру.

Когда он стряхнул с ног кеды, ноги у него оказались грязными. Оля сказала: «Помыться тебе нужно, пока мы ужин будем готовить. Таня, картошку почисть, а я Костей займусь», а ему заявила: «В кухне на табуретке пока посиди».

Костя прошёл на кухню. Она большая. Два кухонных стола, на каждом электроплитка, над каждым столом шкафчик. У стены старенький холодильник и стиральная машина. Таня вошла в кухню в коротком халатике, надела передник и, присев на стул, занялась чисткой картошки.

Вошла Оля, предложила: «Пойдём, я ванную для тебя приготовила». Костя последовал за ней. Ванна на четверть была заполнена водой.

— Раздевайся и в ванну вставай. Одежду мне отдашь, её постирать нужно, — сообщила Оля.

Костя снял и протянул ей футболку, шорты отдать он не мог и смутился.

— Шорты! — поторопила она.

— Я в них буду мыться, потом сам их постираю, — покраснев, сообщил Костя.

Оля, видимо, поняв причину его отказа, возразила:

– В стиральной машинке они лучше отстираются! В приоткрытую дверь мне их подашь. И не закрывайся. Я поищу, что тебе надеть, и принесу.

Костя поморщился, но смирился. Когда Оля вышла и прикрыла дверь, он решился, снял, в дверную щель передал ей шорты и заскочил в ванну.

Когда ранним утром он в хорошо отстиранных шортах и футболке чистеньким вышел из подъезда дома на улицу, он не знал, как относится к тому, что произошло. Да, было ужасно стыдно, что Оля вошла с двумя полотенцами, когда он сидел в ванне. «Махровым обтерёшься после купания, вафельное вокруг себя повяжешь», — обернувшись, объяснила она.

Могла бы и в приоткрытую дверь их подать. Его злило, что родители и бабушка до сих пор входят в ванную, когда он купается. У него язык не поворачивается сказать им, что он уже взрослый, и что это ему неприятно. Но то родные, а здесь молодая девушка. Сюда он решил больше не возвращаться!

Глава 3. У Машки в подмастерьях

Чуть рассвело, как Костя уже обследовал придомовую территорию. Его сумки нигде не было. Он выбрал себе наблюдательный пост на лавочке за детской площадкой. Появились первые жильцы с собаками для их выгула. Зашумели первые машины.

День на день не приходится. Кости улыбнулась удача. С соседнего двора он увидел Машку с тяжёлым рюкзаком за спиной. Она подошла к детской площадке. Сбросила его и, нагнувшись, она что-то положила в него. Затем пошла к столу доминошников, и Костя увидел, что она из урны достала несколько пустых бутылок и отправила их в свой рюкзак.

Костя подошёл к ней и, несколько смущаясь, что она видела его унижение, окликнул:

— Машка, привет! — Она с опаской взглянула на него, а он подошёл ближе и объяснил: — Маша, нам поговорить нужно.

Видимо, из-за того, что он назвал её Машей, она не послала его куда подальше.

— Говори, — настороженно ответила она.

Сейчас она одета, как и вчера. На её руках белые рабочие перчатки, что появились на рынках недавно.

— Знаешь, Машка, извини, что вчера голос на тебя повысил, — сказал Костя. — Я попросить тебя хочу. Поговори с длинным: ты его вчера «Кротом» назвала. Пусть он мне ключ от квартиры вернёт, я ему за это тридцать штук заплачу. Сразу отдам. Домой к себе не могу попасть.

— А где ты живёшь? — спросила она.

Так я и назвал, подумал Костя. У вас мой ключ, ещё и номер квартиры назови, поэтому ответил:

— Сейчас я на улице живу. Ни копейки денег, ни крыши над головой, не знаю, вчера практически не ел, и буду ли сегодня есть, не знаю.

— Только последний осёл ключ от квартиры, когда один живёшь, в сумке носит!

— А где я его обязан носить, по твоему мнению? — с иронией посмотрел на неё Костя.

— Лучше на шее на верёвке, или хотя бы в кармане. Сумку и потерять можно, и отобрать её могут, неясно? А где ты вчера был? Не видела тебя в нашем районе.

— В парке был, где аттракционы, пляж и речка.

— В парке и на пляже был, и ты голодный? — недоверчиво посмотрела на него Машка.

— А как по-другому, если ключа от квартиры нет, где мои деньги лежат.

— А зарабатывать ты не пробовал?

— Как зарабатывать, что я умею?

— Есть хочешь?

— Хочу.

— Со мной иди и заработаешь. На, рюкзак носи. Он уже тяжёлый для меня. Там ровно тридцать пустых бутылок сейчас, десять с половиной килограмма. Пустая из-под водки или пива — триста пятьдесят граммов. Запомнил?

Костя подошёл и взял у неё рюкзак. Он был тяжёлым, по подъёмным, по силам ему. Машка распела:

*Мой папаша был хронический алкаш,
Но, на счастье, на него напала блажь.
Он в квартире все бутылки собрал
И на восемь тысяч он посуду сдал.*

Костя знал группу «Сектор Газа» и пропел припев:

«Яву», «Яву» взял я на халяву!

«Яву», «Яву» взял я на халяву!

Бум-бум-бум...

Машка улыбнулась, явив миру ямочки на щеках. Потом оглянулась на Костю:

– За мной иди, бутылки от этикеток отмоем, в гаражи отнесём, и там заработаем. Откуда ты вообще взялся беспомощный? Беспомощный как кутёнок. Тебя просто нельзя оставлять одного. Ни базар вести не умеешь по-пацански, ни драться, ни заработать, ничего ты не умеешь!

– А ты умеешь? — возмутился Костя.

– Я всё умею! — уверенно заявила Машка. — Меня держись, со мной не пропадёшь!

Костя покрутил головой и подумал, ну и врунья, эта Машка. Но перспектива заработать на еду внушала надежду, и он охотно тащил её рюкзак. Как Костя понял, шли они к ТЭЦ.

– Так ты поговоришь с «Кротом» о ключе от квартиры? — спросил он Машку

– Поговорю, когда они из Москвы вернутся. Там таких лохов, вроде тебя, побольше будет, и с деньгами они. А ты пока за меня держись, не пропадёшь.

– А что ты такая добрая?

– А я не добрая, я практичная, — оглянулась на него Машка. — Подмастерьем тебя возьму. Всё, чему научу, и ты на этом заработаешь, — половина моя! Согласен?

– Маш, я согласен.

Машка подвела к дырке в заборе, и они пролезли на территорию электростанции.

– Там градирия, — показала она направление рукой на высоченные сооружения, напоминающие абажур торшера, поставленный на землю. Дальше здание ТЭЦ и высоченные дымовые трубы. — Горячей водой от градирии будем этикетки от бутылок отмывать.

Провозились Костя с Машкой, как он её называл, порядком. На тележку, которую она принесла непонятно откуда, Костя погрузил рюкзак с сорока бутылками и мешок с таким же их количеством. Мешок она из кустов выволокла и пополнила чистыми бутылками рюкзак из него. Машка показывала дорогу. Пришли к гаражам возле железной дороги. В одну из дверей она постучала. Дверь открыл хмурый мужик в кожаном фартуке:

– Здорово! — поздоровалась она, — Принимай товар.

Мужик приветливо улыбнулся ей:

– Здравствуй Маша. Сколько сегодня?

– Восемьдесят.

– Прилично. А сколько товаром возьмёшь?

– Две. Сейчас бабки нужны. Да, дядь Вань, взгляни на эту физиономию. — Машка показала на Костю. — В подмастерье его взяла, если от меня товар привезёт, рассчитайся с ним. И товаром, если он от меня попросит. Костя его зовут. Можно так: «Костя — хрящи да кости» — его назвать, — с улыбкой добавила Машка, вновь показав ямочки на щеках.

– Как скажешь. Запомнил его. И его погоняло другим передам.

Мужик исчез, прихватив рюкзак и мешок. Минут через пять вынес пустой рюкзак, оглянулся по сторонам и передал Машке деньги.

Когда он вошёл в гараж, Машка сказала:

– Запомнил, где бутылки мыть? Запомнил, куда их относить, и где за них оплатят? Придёшь, когда пошлю, здороваешься, скажешь я от Маши. Я «Костя — хрящи и кости». Понятно?

– Маша, я понял, — Костя назвал её не уничижительным именем, а так, как мужик из гаража её назвал: Машей.

– Сейчас ты правильно ко мне обратился! Хочу, чтоб ты Машей меня всегда называл, а не Машкой. Понятно?

Первый урок с бутылками ты усвоил. Сейчас тележку отвезём, и на пляж, где ты вчера был. Там научу, где ещё сам деньги зарабатывать сможешь. Твою долю этот раз тебе не отдам за пустые бутылки. За столовую, где будем обедать и за трамвай, я сама за тебя заплачу. Ну что, идём?

– Маша, а про какой товар он говорил?

– Этот гараж, запомнил его номер?

– Маша, я запомнил.

Машка продолжила:

– Этот гараж и два по бокам — это цех. Никому не говори, убьют! Здесь водку делают из спирта. Разливают в бутылки, ляпают заводские этикетки, пробки тоже заводские. Часть денег, когда есть, я обычно водкой беру за семь тысяч, а продаю её ночью таксистам за десять. В магазине она восемь пятсот. Навар три тысячи с бутылки. Понятно? Я не жадная, просто мне деньги нужны. — Она продолжила: — Две бутылки у тебя в рюкзаке. Ночью таксистам толкнём.

Здесь, в гараже, — продолжила Маша, — у меня мытые бутылки дорого принимают, за триста рублей штука! Потому, что знают меня. Мою хорошо, перебивать не нужно, битые за мной проверять не нужно и норма у меня не меньше двадцати помытых бутылок в день, кроме выходного. Больше приносить можно, меньше нельзя. В городе их по дешёвке принимают, за сто пятьдесят, а то и за сто. А у нас с тобой за триста!

Маша заплатила в столовой четыре тысячи рублей за шикарный обед на двоих и четыреста рублей за билеты трамвая. На коленях Кости рюкзак с двумя бутылками водки и коробкой от обуви, которую она тоже в рюкзак положила. Костя с интересом поглядывал на Машу. Больно уж она необычная.

– Что смотришь, — улыбнулась она в ответ. — Запомни, «Подмастерье моё!», не отдыхать мы едем, а бабки стричь! Я научу тебя, и ты больше никогда в жизни не будешь голодным!

Костя и Маша приехали, к чему-то, на железнодорожный вокзал, а не на пляж, и вышли. Маша повела Костю на железнодорожную платформу. Взглянув на часы и информационное табло, она показала на него Косте и объяснила:

– Сюда смотри, на прибывающие и отправляющиеся поезда. Через восемь минут прибывает поезд. Увидишь хорошо одетую женщину с тяжёлой сумкой, пусть даже не тяжёлой, или девушку, подбегай к ней, говори: «С прибытием вас в город. Вам сумку, или что у неё в руках, помочь донести?»

Если она согласится и ручную кладь тебе отдаст, когда несёшь, спроси её: «Вы на булочку с чаем сможете мне за помощь заплатить, когда донесу? В таких ситуациях не слышала, чтоб отказывали.

Откажет, ставь молча её вещи на землю и ищи другую, не жадную. Обычно больше дают, чем на булочку с маслом. Сам увидишь. Я в зале ожидания на скамейке с рюкзаком посижу, а ты действуй. Поезд когда встретишь, покажешь мне, что заработал. И я новое задание тебе дам.

Костя побежал на железнодорожный перрон, с желанием доказать Маше, что он способный подмастерье, а не беспомощный, как она его называла. Ему удалось встретить и отправить поезд, и он подошёл к Маше.

– Показывай, что заработать смог, — потребовала она.

Костя достал из кармана шорт деньги и передал их Маше, вынул ещё из кармана четыре сторублёвых монеты и высыпал в подставленную ею ладонь.

Маша пересчитала деньги и, взглянув на Костю, сделала заключение:

– Негусто, но для первого раза неплохо: три тысячи четыреста рублей. Понял теперь, что нечего было вчера голодным ходить. Запоминай, заработал, не трать их сразу. Ведь деньги можно в оборот пустить и сумму увеличить раза в полтора. Бери рюкзак, пошли со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.